

Сухих Ольга Станиславовна

Доктор филологических наук

Профессор, кафедра русской литературы, Институт филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И.

Лобачевского.

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая

Покровская, 37.

Sukhikh Olga Stanislavovna

Doctor of sciences

Professor, Department of Russian literature, Institute of Philology and Journalism

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya

Pokrovskaya str., 37.

Опубликовано: Сухих О.С. Павлик Морозов в постсоветской действительности (по роману В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик») // Litera. — 2023. - № 10. - С.160-170. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68847 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_68847.html

Павлик Морозов в постсоветской действительности
(по роману В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик»)

Аннотация: Объектом литературоведческого анализа в данной статье является роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик». Предмет изучения – репрезентация образа Павлика Морозова в этом произведении. Цель исследования – выявить авторскую концепцию образа и судьбы Павлика Морозова в романе В. П. Крапивина. Культурно-исторический метод анализа литературного произведения позволяет увидеть, как момент смены политического курса страны отразился в художественном тексте и определил разные взгляды на героя прошедшей эпохи. Метод целостного анализа помогает определить, как название романа и сюжетные параллели способствуют созданию образа ребёнка – жертвы социально-политической борьбы и жестокости мира. Научная новизна статьи определяется тем, что образ Павлика Морозова в романе «Бронзовый мальчик» ранее не являлся предметом специального изучения. Исследование романа в названном аспекте приводит к следующим выводам. В. П. Крапивин показывает, что Павлик Морозов является не предателем, а жертвой столкновения социально-политических интересов. В прошлом его образ сделали инструментом идеологической пропаганды, символом преданности общественным ценностям, а в настоящем (в эпоху 1990-х гг., показанную в романе) ему вновь отводят роль символа, но уже отрицательно маркированного. Дегероизация образа Павлика Морозова в эпоху 1990-х гг. – свидетельство нравственной несостоятельности общества, с точки зрения В. П. Крапивина. Анализ многоаспектного смысла названия романа позволяет заключить, что для писателя история Павлика Морозова имеет характер общечеловеческий и

связано это с тем, что взрослые жертвуют интересами ребёнка. Кроме того, это трагедия человека, совершившего из высоких соображений такой поступок, который с формальной точки зрения может быть воспринят как одиозный. В этом плане Павлик Морозов в образной системе романа имеет двойников, с которыми связаны сюжетные ответвления, они углубляют трагическое начало. Результаты проведённого исследования могут иметь практическое применение в преподавании отечественной литературы конца XX в.

Ключевые слова: В. П. Крапивин, идеология, Павлик Морозов, мифологизация, демифологизация, смысл названия, сюжет, пионер-герой, история, общество.

Образ Павлика Морозова уже давно приобрёл в культуре и общественном сознании знаковый смысл, подвергся мифологизации в советские годы, а затем демифологизации в постсоветские.

Павлик Морозов, разумеется, далеко не единственный подросток, который обнаруживал какие-либо опасные или нелицеприятные сведения, разоблачающие взрослых. И, конечно, такое возможно в любом обществе, известны факты «детских доносов» в истории не только нашего государства. Например, М. Тендрякова в своих работах [14, 15] приводит в качестве примеров Уорбойское дело конца XVI века, в котором дети обвинили соседскую семью в колдовстве, что привело к казни этих людей, а также ещё несколько судебных процессов в Англии, строившихся по той же схеме. В современном мире такой феномен, как «детский донос» рассматривается в основном в контексте проблем ювенальной юстиции, например, в работах Тендряковой М. [14], Черного К. [17], Медведевой И. и Шишовой Т. [9].

Однако именно образ Павлика Морозова в общественном сознании нашей страны неразрывно связан с политикой и историей советского государства, с той этикой, которая строилась на классовых ценностях, на приоритете марксистско-ленинской идеологии над другими духовными ориентирами. На наш взгляд, неверно было бы видеть в поступке Павлика Морозова злонамеренный донос, как, например, трактует его К. Черный [17], воспринять Павлика Морозова как «мальчика-предателя», как поступает Ю. Дружников в своей книге [4], а в возвеличивании «пионера-героя № 1» увидеть культ доноительства. Если посмотреть на вопрос принципиально, то это, скорее, был культ предпочтения общественных интересов частным, в том числе и семейным, – в этом, на наш взгляд, стоит согласиться, скорее, с позицией М. Горького, трактовавшего поступок Павлика Морозова так: «... поняв вредительскую деятельность родных по крови, он предпочёл родству с ними интересы трудового народа» – об этом он говорил в «Заключительной речи на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года» [2, с. 354]. Общественное более значимо, чем частное, – в этом смысл героизации поступка Павлика Морозова, совпадающий с советскими идеологическими

постулатами. По этой причине его образ был «канонизирован» и подвергся масштабной мифологизации [3, 4, 5].

Закономерно, что восприятие личности пионера-героя и мифологии, окружавшей его, стало меняться, когда произошёл перелом в отношении социума к этой идеологической парадигме. В интересах утверждения новой на тот момент идеологии в обществе усиленно демифологизировались и даже дискредитировались герои прошлого, при этом зачастую игнорировались самые сложные, диалектически противоречивые вопросы, ведь «упрощение мира является важной частью любой идеологии» [6, с. 29]. Трансформация восприятия «пионера героя № 1» отразилась в публицистике, в статьях, где обращается внимание на общественные, педагогические, нравственные вопросы. При этом многие просто упоминают имя Павлика Морозова как символ, есть и такие авторы, которых не интересует собственно фактическая сторона истории. Например, К. Черный декларирует в своей статье, что не намерен «быть биографом данного субъекта» [17], и, видимо, на этом основании подаёт произошедшее в семье Морозовых в искажённом до неузнаваемости виде: «... мальчик очень обиделся на своего отца и, решив отомстить, попросту донес на него в ГПУ» [17], из чего делается вывод: «Подлец? Да ещё какой...» [17]. С другой стороны, существует и исследовательский подход к изучению судьбы Павлика Морозова, и здесь, прежде всего, стоит назвать книгу К. Келли «Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя», в которой собраны свидетельства, дан фактический материал, помогающий представить, «как создавались культы советских героев» [5, с. 2].

В художественной литературе фигура Павлика Морозова нашла отражение в романе В.П. Крапивина «Бронзовый мальчик». Если К. Келли в своей книге руководствовалась стремлением вписать историю Павлика Морозова «в проблему детства как таковую» [5, с. 3], то ранее именно это сделал В.П. Крапивин, но в художественной форме.

Творчеству В. П. Крапивина посвящены многие литературоведческие и критические работы, рецензии, но к роману «Бронзовый мальчик» обращения не так уж часты. Например, в диссертации Ю. Аникиной изучаются особенности конфликта мира детей и мира взрослых в творчестве В. П. Крапивина 1980–2000-х гг., но роман «Бронзовый мальчик» не становится материалом исследования. Н. Г. Северова в своей публикации рассматривает произведения писателя, созданные в 1990-е гг. [13], но анализирует не «Бронзового мальчика». Статья Е. Савина посвящена теме личности и коллектива в произведениях В. П. Крапивина, в том числе в романе «Бронзовый мальчик» [11]. В работе Н. Свитенко [12] рассматриваются типы ценностных приоритетов и их реализация в системе образов романов цикла «Паруса “Эспады”». О незавершённости и эмоциональной насыщенности финалов романов Крапивина, в том числе и «Бронзового мальчика», идёт речь в статье В. Шелестова (Шелестов В. Неподдельный литературный гуманизм (к 80-летию В. Крапивина) // Проза.ру. <https://proza.ru/2018/10/07/387> (дата обращения: 01.10.2023))

В нашей работе объектом анализа тоже станет роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик», а предметом исследования – образ Павлика Морозова в этом произведении, который ранее не оказывался в центре внимания литературоведов и критиков, чем и определяется научная новизна данной статьи.

Рассматривая взаимосвязь авторских интенций и закономерностей эпохи, в которую создавался роман, мы будем опираться на культурно-исторический метод исследования, который позволяет выявить значение социального и исторического контекста для формирования основных идей произведения и авторской позиции и в то же время не препятствует изучению авторской индивидуальности, выраженной в художественном образе [18]. Исследуя воплощение авторского замысла через систему сюжетных ответвлений, образы двойников Павлика Морозова, смысловые грани названия произведения, мы будем использовать метод целостного анализа текста, дающий возможность изучать произведение как формально-содержательное единство [8] и через призму поэтики видеть суть авторской концепции, единство текста и смысла [16].

Роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик» вышел в 1994 г., а действие в произведении происходит в 1991 г., во время «августовского путча» и сразу после него. Неудивительно, что в сознании героев книги царят недоверие к власти, разочарование в социалистических ориентирах, в тех взглядах, которые раньше были несомненны, но, как оказывается, лишь потому, что люди обладали очень скудной информацией, причём избирательной. Примером тому становится восприятие главным героем Даней Рафаловым фильма «Мы из Кронштадта», в котором он видел романтическую трагедию красных матросов, гибнущих за свои высокие идеалы. Его поражает, когда дедушка Виктор Анатольевич рассказывает ему, что в тех местах, где снималась картина (под Севастополем), погибло множество белых, которые не сумели или не захотели бежать за границу, поверив обещаниям новой власти. Когда Даня вспоминает трубача из фильма «Мы из Кронштадта», то дед соглашается с тем, что это «ничего картина» [7, с. 23], впечатляющая, особенно если «не знаешь всего» [7, с. 23], и тут же обращает внимание внука на то, что есть картины, где история показана с иных позиций, например, «Бег» по Булгакову. Дед руководствуется вовсе не желанием ниспровергать идеалы, он внушает мальчику мысль о том, что подвиг, героизм, патриотизм, высокая трагедия – всё это не прерогатива какой-то одной стороны в политической борьбе. Герои романа приходят к выводу о том, что ставить памятники стоит всем, кто проявил смелость и доблесть, способность на жертву ради идеи, вне зависимости от того, к какому политическому лагерю они принадлежали и победили они или проиграли. Именно в связи с этим и возникает в романе имя Павлика Морозова, которого сначала канонизировали, а потом ниспровергли с пьедестала. В восприятии деда и внука Рафаловых это непорядочно и несправедливо.

Вообще, роман проникнут состраданием и уважением именно к «аутсайдерам» истории. Автор даёт свой взгляд на человека, совершившего такой поступок, который окружающие в большинстве своём могут воспринять как одиозный, рассматривая его с формальной точки зрения. И подобных личностей в романе несколько, с ними связаны «минисюжеты», каждый из которых по-своему ассоциируется с историей Павлика Морозова и развивает трагическое начало.

Во-первых, героем такого типа является, конечно же, сам **Павлик Морозов**. Официозный взгляд на то, что он обнаружил нелицеприятную правду об отце, в 1990-е гг. становится однозначно негативным, его поступок открыто и безапелляционно называют предательством, в частности, так делает учительница в эпизоде классного собрания, и мнение директора школы тоже таково. В. П. Крапивин в своих произведениях часто акцентирует внимание на том, что учитель действует в рамках формальных правил, установленных (а в основном «спущенных сверху») принципов, тогда как ребёнок смотрит на жизнь незашоренным взглядом и видит, что официальная «правда» противоречит реальной. Этот мотив есть и в романе «Бронзовый мальчик», он реализуется в сюжете не единожды, и один из кульминационных эпизодов в развитии этого мотива – эпизод обсуждения Павлика Морозова и отношения к нему.

Учительница внушает детям, что неправильно будет оставлять дружине имя этого пионера-героя, поскольку не стоит отстаивать «неправое дело»: нельзя предавать отцов. В конфликт с ней вступают главный герой Даня Рафалов и его одноклассник Артём Решетило, который направляет разговор ещё и в другое русло: Павлика Морозова несправедливо обвинять в том, что изменилась государственная идеология и та идея, которую в его времена пропагандировали и в которую он поверил, теперь объявлена «неправым делом». Артём Решетило, по предположению автора и героя, слышал подобные суждения от взрослых в своей семье, и Даня Рафалов вспоминает, что примерно то же самое совсем недавно говорил его дед. Это совпадение взглядов свидетельствует о том, что такие мнения, с точки зрения В.П. Крапивина, рождаются в обществе закономерно и, что называется, витают в воздухе. И дед главного героя Виктор Анатольевич Рафалов, и, по всей вероятности, отец Артёма Решетило выражают приблизительно одно понимание истории пионера-героя Павлика Морозова: взрослые (партийные активисты, учителя) убедили мальчика в прекрасной сути великого и светлого коммунистического будущего, ради которого можно пожертвовать чем угодно, и тем самым они фактически предрешили его участь. Павлик Морозов пожертвовал ради новой правды семейными связями, традиционным принципом «почитай отца и мать» и за это был убит. Впоследствии за то же самое он был прославлен как пионер-герой: те же взрослые (на сей раз работники идеологического фронта на уровне всей страны) создали удобный для государственной идеологии миф. А в итоге, когда эта идеология оказалась исторически проигравшей, вновь взрослые (теперь уже сторонники восторжествовавшей в 1990-е гг. либеральной идеи)

используют миф о Павлике Морозове в своих целях: хотят доказать безнравственность коммунистического сознания, развенчать мысль о том, что общие интересы важнее частных. Именно поэтому Павлика Морозова теперь объявляют не героем, а предателем, сбрасывают с пьедестала памятник ему, учителя предлагают ученикам «отменить» память о нём, как будто стереть с классной доски его имя.

Дети же, прежде всего Даня Рафалов, считают, что всё это непорядочно со стороны взрослых. К тому же он не признает за взрослыми права говорить о безнравственности предательства, потому что они сами на каждом шагу предают детей. Для Дани Рафалова, безусловно, на историю опороченного и ставшего ненужным при новой идеологии Павлика Морозова накладывается его собственная история, поскольку он чувствует себя ненужным своему отцу. Именно поэтому он так остро негативно воспринимает и сюжет «Тараса Бульбы», где отец убивает сына. Герою представляется, что Гоголь оправдывает старого казака, который избавился от сына, ставшего «неудобным», – так он на фоне собственных эмоций воспринимает изображённые в повести события. Автор «Бронзового мальчика» выстраивает ход диалога между ребёнком и педагогом таким образом, что фактически оставляет последнее слово за Даней Рафаловым, а не за учительницей, которая не привыкла к дискуссиям, тем более с учениками, потому что не способна по-настоящему аргументировать свою точку зрения, а может лишь произносить «штампованные» фразы о патриотизме.

В результате отношение идеологов к Павлику Морозову, равнодушие отца к Дане Рафалову и убийство сына Тарасом Бульбой выстраиваются в романе в один ряд. **Главный герой, чувствующий себя лишним в семье отца, и Андрий, убитый Тарасом Бульбой, могут рассматриваться в качестве двойников Павлика Морозова, которого предали «отцы».** Павлик Морозов в таком контексте воспринимается как жертва. Весь эмоциональный строй текста, система двойников, ход конфликта, диалог, с аргументами и контраргументами, – всё направлено на то, чтобы защитить бывшего героя, ставшего «антигероем», чтобы внушить читателю мысль о неоднозначности истории с Павликом Морозовым и несправедливости категоричных оценок.

Во-вторых, в романе большое внимание уделено ещё одному «антигерою» – **капитану Стройникову**, его судьба становится важным ответвлением сюжета произведения. В истории российского флота XIX в. есть две противостоящие друг другу страницы, славная и бесславная: подвиг брига «Меркурий» и сдача врагу фрегата «Рафаил». Если «Меркурий» под командованием Александра Казарского вступил в неравный бой с двумя турецкими кораблями и сумел выстоять и даже победить, то «Рафаил» под командованием Семёна Стройникова без боя сдался турецкой эскадре. Общепринятой является оценка данного факта как измены принципам чести, как предательства – в этом **общность сложившихся репутаций капитана Стройникова и Павлика Морозова.** В романе В. П. Крапивина дедушка рассказывает внуку, что их предок был матросом на фрегате «Рафаил» и,

вернувшись домой, защищал доброе имя капитана Стройникова, ведь тот приказал спустить флаг не из трусости, а из желания спасти жизни матросов, которые, в отличие от офицеров, не готовы были погибнуть в неравном бою. С точки зрения героев романа (а она ничем не опровергается, что даёт основания считать её и авторской тоже), Семён Михайлович Стройников не предатель, а жертва общественного мнения, как и Павлик Морозов. Капитана лишили званий и наград, официально объявили трусом и изменником. Он фактически пожертвовал собственной карьерой, репутацией, сломал собственную жизнь ради спасения подчинённых. В эпилоге к роману Стройников представлен в образе священника, исповедующего гуманизм даже во время военного противостояния и способного простить даже того, кто в него стреляет. Он осуждает поступок солдата, выстрелившего в британского трубача, совсем ещё мальчика, и радуется тому, что юный трубач не убит: считает, что плен – это для него спасение от гибели на войне. В целом В. П. Крапивин смотрит на Стройникова не как на предателя и изменника воинскому долгу, а как на носителя гуманистической и пацифистской идеи, для которого жизнь человека дороже любых других ценностей. Вновь, как и в случае с Павликом Морозовым, перед нами **пересмотр восторжествовавшей в обществе оценки**, стремление за «предательством» увидеть иную подоплёку. Если пионер-герой поверил в «свет», в новую правду и ради этой идеи упорно шёл до конца (не случайно памятник ему – это фигура подростка с упрямо поднятой головой и сжатыми кулаками), то и Стройников верил в свою правду и отстаивал её, несмотря ни на какие обстоятельства и ни на чьи мнения, – так представляет этих людей В. П. Крапивин.

В-третьих, ещё одно ответвление сюжета в романе связано с **судьбой Никиты Таирова**, на сей раз уже вымышленного героя, который во время гражданской войны фактически повторил поступок капитана Стройникова. Главный герой из письма Никиты Таирова к возлюбленной узнаёт о его истории и его трагедии. Никита, молодой белогвардейский офицер, сдаёт без боя свою окружённую войсками противника батарею, так как считает, что красные в этом случае могут пощадить простых солдат. Он не рассчитывает выжить сам, но хочет предотвратить бессмысленную гибель своих бойцов. Сложить оружие, сдаться в плен – это поступок, в котором нет величия и красоты, но письмо героя показывает, что его толкнули на это именно великие и прекрасные чувства.

В-четвёртых, наконец, в тексте романа «Бронзовый мальчик» упоминаются и **литературные персонажи**, которые из высоких побуждений пошли на такие действия, которые сторонники официальных взглядов могли бы счесть предательством. Это герои произведений М. Булгакова («Белой гвардии», «Дней Турбиных», «Бега»), о которых рассказывает Дане Рафалову дедушка: «Там не раз повторяется эпизод, как русский полковник приказывает юнкерам разойтись по домам, не вступать в бой с петлюровцами, чтобы не гибнуть напрасно» [7, с. 23] – и упоминает, что это шло вразрез с официальным пониманием офицерской чести. Для поборников

верности присяге любой ценой булгаковский полковник выглядел бы изменником долгу, а для автора «Белой гвардии» и «Дней Турбиных», как и для автора «Бронзового мальчика», любая цена не подходит, поэтому для них моральный долг командира в том, чтобы спасти людей.

Пристрастие к героям, которых судьба поставила в жестокие условия, которым пришлось принять **«неблагородное» решение ради своих идеалов**, проявляется на протяжении всего романа «Бронзовый мальчик», реализуется в ответвлениях сюжета, в концептуальных диалогах деда и внука, и в этом смысле такие персонажи произведения, как Семён Стройников и Никита Таиров, становятся двойниками Павлика Морозова.

Для понимания концепции В. П. Крапивина, для осмысления авторского взгляда на образ Павлика Морозова исключительно важны не только сюжетные ответвления и система образов, но и разные **границы смысла названия** романа «Бронзовый мальчик»:

1) Бронзовый мальчик – так названа в тексте фигура, стоявшая в одном из городских скверов. Это статуя Павлика Морозова, которого, как сказал дед Рафалов, сначала «поманили светом», а потом погубили и обвинили в предательстве. Памятник был возведён, чтобы увековечить подвиг пионера-героя, а через годы облит мутно-серой краской, затем вообще демонтирован, чтобы теперь уже уничтожить память о нём. Этот памятник стал символом славы, превратившейся в анτισлаву. Стоит упомянуть, что в своё время очень настаивал на создании памятника Павлику Морозову М. Горький [2], увидевший в пионере-герое принципиального и смелого борца, бросившего вызов устоявшимся принципам, – эта дерзость была близка самому писателю, который «в мир пришёл, чтобы не соглашаться». А в 1990-е годы памятник Павлику Морозову демонтировали: «В результате созданного антимифа монумент на Красной Пресне в августе 1991 г. скинули» [3, с. 147]. Памятники самому М. Горькому стоят на своих местах, но память о писателе в тот период серьёзно девальвировалась, стало модно дискредитировать его, некоторые его произведения исчезли из школьной программы, ему стали противопоставлять других литераторов, которые якобы были более правдивы или более свободны в своём творчестве и т.п. Например, педагогический институт в родном городе писателя с 1932 года носил имя М. Горького, а в начале 1990-х гг. стал Нижегородским педагогическим университетом имени Козьмы Минина. Напоминает историю, представленную В.П. Крапивиним, о том, как учительница объясняет детям, что их дружине «имя Павлика Морозова сейчас оставлять неуместно» [7, с. 62]... И то, и другое связано с ниспровержением прежних идеологических ориентиров и насаждением новых принципов отношения к жизни. И о несправедливости происходящего пишет в своём романе В. П. Крапивин, считая дегероизацию Павлика Морозова маркером того, что общество утрачивает такие ценности, как порядочность и гуманизм. Не случайно памятник он называет не «бронзовая статуя» или «бронзовая фигура», а «бронзовый мальчик». Выбор слова «мальчик» очеловечивает бронзовое изваяние, тем более в сочетании с описанием памятника: «Прямой, тощенький, со сжатыми кулаками

опущенных рук и вскинутой головой» [7, с. 64]. Это порождает восприятие Павлика Морозова не как отвлечённо-символической фигуры, а как ребёнка, отстаивавшего свою позицию и ставшего жертвой несправедливости, как человека, заслуживающего понимания, сочувствия и памяти.

2) Бронзовый мальчик – это фигурка Тома Сойера, которую когда-то спрятал юный Никита Таиров, а теперь нашли Даня Рафалов и его друзья. И это, опять же, не «изваяние», не «статуэтка», а «мальчик»: это живой образ, близкий реальным детям.

В то же время бронзовый мальчик – это и сам Никита Таиров, хотя он по возрасту уже не мальчик, но всё равно юноша, почти мальчишка, который прямо ассоциирует себя с Томом Сойером, а свою возлюбленную Олю – с Бэки, поэтому и прячет бронзовую статуэтку, чтобы она потом нашла и вспомнила о друге. И этот юноша, как и Павлик Морозов, становится жертвой политической борьбы, его судьба трагична.

3) Ассоциируется с бронзовым мальчиком и Даня Рафалов, который с сочувствием думает о Павлике Морозове и конфликтует с отцом, воспринимаемым как отступник. Даня же находит спрятанную много лет назад фигурку другого «бронзового мальчика» – Тома Сойера, остро переживает перипетии судьбы Никиты Таирова. В позе бронзового Павлика Морозова, которого Даня видит в сквере, в выражении его лица, в повороте головы отражаются отчаяние и упрямство, и это объединяет пионера-героя с героем крапивинского романа. Те же отчаяние и упрямство управляют этим мальчиком, когда он отыскивает «клад» Никиты Таирова, бросает вызов учительнице, отстаивает старинный дом, рискуя жизнью, когда новоявленные бизнесмены покупают разрешение на снос памятника культуры. И он тоже страдает не только из-за семейных проблем, но и из-за социально-политической ситуации, из-за противостояния разных сил во взрослом и жестоком мире. Параллели в образной системе как будто становятся невидимыми нитями, которые тянутся от главного героя к другим «бронзовым мальчикам».

4) Бронзовая статуя трубача в сне Дани Рафалова становится символом ребёнка, безвинно страдающего или даже гибнущего. Главному герою снится, как солдаты стреляют в мальчиков-трубачей и те падают с крепостной стены, а потом оказывается, что это статуи, одна из которых, бронзовая, напоминает памятник Павлику Морозову, сброшенный с постамента, – его впоследствии видят Даня и его друг Салазкин, причём видят лежащим лицом вниз, в траве, как трубач в сне главного героя. Тринадцатилетний «воспитанник полка» Генри Линдерс, раненый и падающий с валуна в эпилоге к роману, – ещё один образ поверженного трубача, который ассоциируется со сном Дани Рафалова. Этот сон символически объединяет и персонажей романа, «слезинки» которых видит в произведении читатель, и вообще детей, ставших жертвами жестоких обстоятельств и безжалостных решений, жертвами социально-политической борьбы, столкновения разных позиций и интересов. И в этот ряд органично вписывается в романе Павлик Морозов, так что его образ оказывается

действительно включённым в контекст «проблемы детства как таковой» [5, с. 3], как впоследствии сформулировала К. Келли.

Итак, концепция судьбы Павлика Морозова в произведении В. П. Крапивина заключается в том, что не ребёнок предал взрослого, а **взрослые предали ребёнка**, причём развитию этого мотива находятся трагические параллели. В этом плане двойниками пионера-героя становятся Даня Рафалов, ставший ненужным, «неудобным» для отца, а также Андрий, которым Тарас Бульба, по мнению главного героя романа, пожертвовал ради более важных для него ценностей. Это приводит нас к выводу, что такая история не порождение советских 1930-х гг., она разрастается до трагедии общечеловеческого характера.

Ответвления сюжета, связанные с судьбами таких героев, как Павлик Морозов, Семён Стройников, Никита Таиров, создают ещё один ряд персонажей-двойников, которых объединяет способность **принять «негероическое», «невозвышенное» решение ради своей правды**, что делает их в глазах сторонников официальной морали предателями, нарушителями законов чести. И снова мы видим, что история пионера-героя не исключительна и не привязана к историческому контексту только 1930-х гг. в СССР, она воспринимается как общечеловеческая.

Смысл названия романа, в свою очередь, концентрирует в себе **пафос сострадания к ребёнку-жертве**, причём в ряду таких страдающих детей в романе одно из основных мест занимает Павлик Морозов.

Мотив «слезинки ребёнка», в высшей степени характерный для произведений В. П. Крапивина, как и мотив стойкости «бронзовых мальчиков», которые «падают, не меняя позы» [7, с. 100], объединяет фигуры героев романа в коллективный образ «трубача» – смелого и стойкого подростка, противостоящего несправедливости взрослого мира, – и в то же время позволяет увидеть связь времён.

Библиография

1. Аникина Ю. А. Специфика конфликта в художественном мире В. П. Крапивина: дисс. ... канд. филол. н.: 10.01.01. Волгоград, 2014. 167 с.
2. Горький М. Заключительная речь на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года // Горький М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 337–354.
3. Гребенник Г. П. Миф, антими́ф и анекдот в идеологии // История и современность. 2015. № 2. С. 140–159.
4. Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. Москва–Augsburg: Im werden verlag, 2003. 94 с.
5. Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя / Пер. с англ. И. Смиренской. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 310 с. ISBN 978-5-86793-654-9.
6. Коломыц Д. М., Коломыц О. Г. Мифы в духовной и политической культуре и их роль в формировании современного мировоззрения //

- Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4. Ч. 1. С. 28–31.
7. Крапивин В. П. Бронзовый мальчик / Владислав Крапивин. – [Б. м.]: Автор, 1994. 197 с. ISBN 978-5-425-05233-9.
 8. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
 9. Медведева И., Шишова Т. Троянский конь ювенальной юстиции // К истине: миссионерско-апологетический проект. https://k-istine.ru/uvenal_justice/uvenal_justice_medvedeva-01.htm (дата обращения: 03.09.2023).
 10. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; Сост. и послесловие И. С. Кона. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. С. 322–362.
 11. Савин Е. От «Эспады» до «Тремолино» // Та сторона. 1995. № 12. <https://www.rusf.ru/vk/recen/1995/savin05.htm> (дата обращения: 01.10.2023).
 12. Свитенко Н. В. Трилогия «Паруса “Эспады” В. П. Крапивина: конфликт и система персонажей в аксиологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 4. <https://philology-journal.ru/article/phil20220182/fulltext> (дата обращения: 01.10.2023).
 13. Северова Н.Г. Герой детской литературы в условиях социального слома (к восьмидесятилетию уральского писателя Владислава Крапивина) // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Курганский государственный университет. Курган, 2018. С. 213–216.
 14. Тендрякова М. Детские доносы и ювенальная юстиция // Образовательная политика. 2010. № 9–10 (47–48). С. 106–114.
 15. Тендрякова М. Охота на ведьм. Исторический опыт интолерантности. М.: Смысл, 2019. 160 с. <https://iknigi.net/avtor-mariya-tendryakova/189955-ohota-na-vedm-istoricheskiy-opyt-intolerantnosti-mariya-tendryakova.html> (дата обращения: 03.09.2023). ISBN: 978-5-89357-392-3
 16. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М: Лабиринт, 2001. 189 с.
 17. Черный К. Павлик Морозов. Перезагрузка. Версии об одной диверсии // Образование и православие. Новостная лента. 28.10.2011. <http://www.orthedu.ru/news/3742-11.html>
 18. Щербаков А.Б. Литературоведческие мифы. Культурно-историческая школа и проблема творческой индивидуальности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturovedcheskie-mify-kulturno->

References

1. Anikina, Yu. A. (2014). *The specifics of conflict in the artistic world of V. P. Krapivin*: diss. ... Candidate of Philology: 10.01.01. Volgograd.
2. Gorky, M. (1953). Final speech at the I All-Union Congress of Soviet Writers on September 1, 1934. *Gorky, M. Collected works: in 30 tt. T. 27*. Moscow: GIHL, 337-354.
3. Grebennik, G. P. (2015). Myth, anti-myth and anecdote in ideology. *History and modernity*, 2, 140-159.
4. Druzhnikov, Yu. (2003). *Informer 001, or the Ascension of Pavlik Morozov*. Moscow–Augsburg: Im werden verlag.
5. Kelly, K. (2009). *Comrade Pavlik. The rise and fall of the Soviet boy hero*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Kolomyts, D. M., Kolomyts, O. G. (2014). Myths in spiritual and political culture and their role in the formation of modern worldview. *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 4. Part 1, 28-31.
7. Krapivin, V. P. (1994). *The Bronze Boy*. Moscow: Avtor.
8. Likhachev, D. S. (1968). The inner world of a work of art. *Questions of literature*, 8, 74-87.
9. Medvedeva, I., Shishova, T. (2006). The Trojan horse of juvenile justice. *To the truth: a missionary-apologetic project*. https://kistine.ru/uvnal_justice/uvnal_justice_medvedeva-01.htm (date of address: 03.09.2023).
10. Mid, M. Culture and continuity. The study of the conflict between generations. *Culture and the world of childhood. Selected works*, 322-362.
11. Savin, E. (1995). From "Espada" to "Tremolino". *That side*, 12. <https://www.rusf.ru/vk/recen/1995/savin05.htm> (date of reference: 01.10.2023).
12. Svitenko, N. V. (2022). Trilogy "Sails"Espada" by V. P. Krapivin: conflict and the system of characters in axiological aspect. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. Vol. 15. Issue 4. <https://philology-journal.ru/article/phil20220182/fulltext> (accessed: 01.10.2023).
13. Severova, N.G. Hero of children's literature in conditions of social breakdown (to the eightieth anniversary of the Ural writer Vladislav Krapivin). *Zyryanovskie readings: Materials of the All-Russian Scientific and practical conference*. Kurgan: Kurganskij gosudarstvennyj universitet, 213-216.
14. Tendryakova, M. Children's denunciations and juvenile justice (2010). *Educational policy*, 9-10 (47-48), 106-114.
15. Tendryakova, M. (2029). *Witch hunt. Historical experience of intolerance*. Moscow: Smysl. <https://iknigi.net/avtor-mariya-tendryakova/189955-ohota-na-vedm-istoricheskiy-opyt-intolerantnosti-mariya-tendryakova.html> (accessed: 03.09.2023).

16. Tyupa, V. I. (2001). *Art analytics (introduction to literary analysis)*. Moscow: Labyrint.

17. Cherny, K. (2011). *Pavlik Morozov. Reboot. Versions about one diversion*. Education and Orthodoxy. <http://www.orthedu.ru/news/3742-11.html>

18. Shcherbakov, A.B. (2015). Literary myths. Cultural-historical school and the problem of creative individuality. *Actual problems of humanities and natural sciences*. <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturovedcheskie-mify-kulturno-istoricheskaya-shkola-i-problema-tvorcheskoy-individualnosti> (accessed: 01.10.2023).